

1894—96 г.г.^{*)} Конечно, кружки рабочих продолжали существовать, и даже, по силе притяжения или личной формы движения в случае, если, соответственно чему возникало и содержание работы их, а также, в моменты перехода к массовому движению кружки были поставлены задача подготовки агитаторов. В отсталых условиях, где не было массового движения, кружки продолжали действовать в своей первоначальной форме. Главными средствами воздействия на массу являлись прокламация и популярная брошюра. Литература служила также целям массовой агитации, так и целям массовой пропаганды. Агитация, социалдемократическая формулировка требований рабочих, для борьбы на которой ищется сила и средства. Агитация есть призыв к борьбе. Поэтому содержание социалдемократической агитации обуславливалось условиями места и времени, формами борьбы, которую уже надо пролетаризировать в данном городе, для ведения которой у него были и силы, и средства. Массовая пропаганда, напротив, не вымывалась от условий места и времени, ее задачей была популяризация основных социалдемократических идей, всех идей социалдемократии, как экономических, так и политических. Идея эта довольно удачно формулировалась в одной петербургской прокламации от апреля 1890 г.: «Мы не выжили бы, не зная политической борьбы, ибо мы слишком твердо помним, что политическая свобода—одно из условий торжества рабочего класса. Но мы не хотим, чтобы политическая агитация ныла в воздух, мы хотим, чтобы она была связана с непосредственно, реальными нуждами рабочего класса, чтобы она отвечала уже нарастающим требованиям пух. Политика—настройка пуха общественными отношениями производства, и политическая агитация должна быть настройкой пуха борьбой экономической. Долгая борьба за политическую свободу и эта за нас. Другое дело пропаганда: здесь наши политические идеалы могут и должны выливаться в их полные объекты». Поэтому, содержание массовой пропаганды было в общем непонятно в течение данного ряда лет; напротив, содержание массовой агитации, по мере роста рабочего движения, сильно менялось. Первоначально не содержались были экономические требования и нужды. Потом появились требования, — свобода слова, печати, собраний, стачек и союзов, неприкосновенность личности. Наконец, появились требования реформы государственного строя, — «упрощения самоуправления». Эти перемены в содержании агитации находились во внутренней связи с возникновением форм борьбы, — рядом с экономической забастовкой появилась политическая уличная демонстрация. Экономическая агитация (содержавшаяся в организациях экономических организаций) — была стачечной борьба в Вильне и Клене, заводских организаций в Петербурге.

В конце 90-х и начале 900-х гг., под непосредственным влиянием политических условий массовой агитации и пропаганды в

России, среди социалдемократов-интеллигентов возникло новое течение, стремившееся консолидировать социалдемократическое рабочее движение в «одну социалдемократическую партию», — с единой программой, организацией и тактикой. А так как «социалдемократическая партия без политической борьбы — это рыба без воды» (Ленин, стр. 111), то включение этого нового течения было обращено на политическую борьбу. В политических условиях самодержавной России политическая борьба необходимо включала в себя большую долю борьбы с политической полицией, — поэтому вся деятельность партии должна была быть сосредоточена в руках «организации профессиональных революционеров», которая только открыла на рабочее движение. Отсюда — отрицательное отношение к рабочему движению, как таковому, отрицание деятельности его развития, отожествление его с трагическим (Ленин, Что делать, стр. 28). Базисная характеристика отношения социалдемократии, преобладавшая в «организации профессиональных революционеров», к массовому рабочему движению в этот мрачный период нашей партийной истории дана А. И. Потресовым: «Чем была, спрашивается, она, для интеллигентной стили протестарского движения? Несомненно, потому недостатков рабочего для призрачного сна, багровых инициатив, для революционного возмущения, но только отнюдь не той формирующейся массой, из которой бы непосредственно выросло, путем естественного набора, живое и организованное тело социалдемократической партии... Трудное интеллигентское «я» на предостережение рабочего движения... Революционеры не все почтение, обычно ему изысканное, оставалось в положении объекта, пересортного материала, или работы подлинных теоретиков революционеров». Результаты такой постановки социалдемократической работы складывались весьма быстро. Жизнь социалдемократической партии основанная на съезде 1898 г. и потом второй раз в 1903 г., была совершенно лишена творческих сил. Обладая сильно развитым агитационным аппаратом, располагая большим числом протестарского, она была совершенно неспособна организовать рабочую массу. Потресов, отрицательно относясь к интеллигентскому, замечает: «но в одно из них было нечто: при существовании тогда предположений социалдемократическая партия была не возможна» (стр. 276). Партийный механизм по началу живой работы. Жизнь не действовала: он считался, она считалась движением своим отдаленными частями и не трогала с места, как млеко... Внутри партии производилась хаотичная работа жизни — перестройка, неживая и приживавшаяся частями, но во ней — с какой верностью было в воздух, но забора жизни, раз приведения которой в действие, это, только и существовал весь сложный партийный аппарат» **).

Оторванность партии от рабочих масс особенно ясно сказалась 1 мая прошлого года, когда рабочие валили на улицах Петербурга. Социалдемократы бегали манифестировать на улицах Петербурга.

^{*)} О начале рабочего движения в Москве см. интересную статью С. М. На заре рабочего движения в Москве, в сб. «Текущая жизнь», Москва 1900.

^{*)} Потресов, Эскизы о русской интеллигенции, стр. 275—6, 281.

^{**)} Потресов, стр. 303—304.